

УДК 314.74

МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН СНГ В АМУРСКУЮ ОБЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Т.Н. Журавская

Журавская Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042; старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), корп. G22, кампус ДВФУ, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922. E-mail: wellshy@mail.ru.

В статье рассмотрена международная миграция из стран СНГ в 2010–2014 гг. в Амурскую область в контексте синтетической теории международной миграции населения Д. Мэсси. Несмотря на то, что социально-экономические показатели характеризуют область как малопривлекательную для миграции, наблюдается тенденция увеличения миграционных потоков из стран СНГ в область. На основе анализа качественных данных выявлены мотивы (экономические, образовательные, культурные, вынужденные, несамостоятельный переезд) и каналы (социальные сети, посредники, предприятия, государственные программы) миграции. Определить региональную специфику и ответить на поставленный вопрос о выборе территории назначения позволяет только комплексное рассмотрение всех выявленных фактов. Источниками эмпирических данных являются серии экспертных и биографических лейтмотивных интервью, проведенных в 2014–2015 гг., открытые статистические данные Росстата и ФМС, а также данные, полученные по индивидуальному запросу в Амурстат, УФМС и страховую компанию «Колымская».

Миграция из стран СНГ, синтетическая теория международной миграции, Амурская область.

DOI: 10.14530/se.2016.3.105-132

ВВЕДЕНИЕ

В целом для России характерно преобладание потоков мигрантов из стран СНГ. Так, по состоянию на 5 апреля 2016 г. на территории РФ находилось 9,87 млн иностранных граждан (ИГ), из них из стран СНГ – 85,8% (8,46 млн чел.), из других стран – 14,2%, в том числе из Китая – 2,4% (239,5 тыс. чел.) [13].

Основные миграционные потоки были направлены в регионы европейской части РФ, что объясняет концентрацию в них трудовых мигрантов (*табл. 1*).

Таблица 1

Численность иностранных трудовых мигрантов* в 2011–2014 гг. (на конец года)

Субъект	2011		2012		2013		2014	
	чел.	в % к итогу						
РФ	1 027 929	100,0	1 148 725	100,0	1 111 494	100,0	1 043 834	100,0
Центральный	380 326	37,0	464 222	40,4	436 407	39,3	398 799	38,2
Северо-Западный	195 729	19,0	211 515	18,4	230 991	20,8	251 050	24,1
Южный	67 978	6,6	80 817	7,0	75 929	6,8	61 072	5,9
Северо-Кавказский	7877	0,8	5338	0,5	5077	0,5	3722	0,4
Приволжский	77 332	7,5	86 732	7,6	90 372	8,1	81 979	7,9
Уральский	111 624	10,9	120 541	10,5	115 504	10,4	102 470	9,8
Сибирский	85 667	8,3	88 079	7,7	79 712	7,2	72 626	7,0
Дальневосточный	79 858	7,8	81 786	7,1	72 478	6,5	70 939	6,8

Примечание. * ИГ, имевших действующее разрешение на работу; без учета имевших патент на работу у физических лиц (только для стран СНГ).

Источник: составлено автором по [10].

Более половины официальных трудовых мигрантов, имевших действующее разрешение на работу на конец соответствующего года, пришлось на два наиболее экономически развитых федеральных округа – Центральный и Северо-Западный, причем тенденция концентрации потоков усиливается: с 56% в 2011 г. до 62,3% на конец 2014 г. Такое же распределение характерно и для тех, кто имел патенты для работы у физических лиц на конец 2013-го и 2014 гг.: из 1,1 млн чел. на конец 2013 г. 53% работали в ЦФО и СЗФО, из 2,1 млн в конце 2014 г. – 64% [10]. То есть потоки международной трудовой миграции в любые другие федеральные округа в России, кроме двух центральных, можно назвать незначительными.

Подобная ситуация вполне объяснима с точки зрения привлекательности социально-экономических условий ЦФО и СЗФО. Тем не менее прослеживается устойчивая динамика миграционных потоков в другие регионы, в том числе и в ДФО, территорию с малопривлекательными для международных мигрантов условиями, при этом структура этих потоков меняется.

Международная миграция на Дальнем Востоке, как правило, рассматривается в контексте трудовых и бизнес-потоков из Китая. Объяснение привлекательности рынков труда дальневосточных регионов дает ставшая уже классической в миграционных исследованиях теория «выталкивающих» и «притягивающих» факторов (*push and pull factors*), сформировавшаяся в рамках неоклассической экономической теории [21]. С одной стороны, есть дефицит рабочей силы, есть избыточные трудовые ресурсы в КНР в целом, есть территориально близкие рынки труда в северо-восточных провинциях Китая, что снижает транспортные издержки, есть разница в заработной плате. С дру-

гой стороны, предприниматели из КНР занимаются бизнесом в дальневосточных городах, следуя за конъюнктурой рынка товаров широкого потребления: дефицит вследствие удаленности от основных рынков и упадка производства, разница в ценах, растущее предложение со стороны рынков КНР [4].

Миграция из стран СНГ на Дальний Восток также наблюдается, мигранты из СНГ составляют уже заметный элемент жизни региональных центров. Так как же объяснить потоки миграции из стран СНГ на Дальний Восток? Этот вопрос не вызывал особого интереса со стороны исследователей, и настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Вначале необходимо рассмотреть существующие теоретические концепции, описывающие миграционные процессы, что поможет определиться с теоретическими рамками проводимого исследования.

Как правило, традиционные теории международной миграции рассматривают миграционные процессы в рамках научных концепций, лежащих в их основе. Усложняющиеся взаимосвязи между экономиками, динамика социальных и экономических, миграционных процессов не всегда адекватно описываются с позиций традиционных теорий.

Наиболее популярные на сегодняшний день экономические теории миграции населения и на макро-, и на микроуровнях выдвигают рациональные объяснения происходящих миграционных процессов: либо объективные факторы (например, структурные изменения в экономике, разница в уровне заработной платы), либо индивидуальные рациональные мотивы (например, соотношение выгод и затрат от эмиграции) [6]. Однако современные миграционные процессы показали ограниченность этих теорий. Например, столь популярная в научных кругах теория «притягивающих» и «отталкивающих» факторов, предложенная Е. Ли, выделяет три составляющих: факторы, определяемые территорией выбытия и назначения, и обстоятельства переезда. Ли показал, что передача информации среди реальных и потенциальных мигрантов оказывает влияние на принятие решения о миграции [21]. Эта теория оказалась неспособной ответить на вопрос, почему одни и те же факторы разных людей притягивают, а других отталкивают. Иными словами, она не учитывает социологическую составляющую процесса миграции, например, социальную структуру общества [6]. Подобными недостатками обладают и неоклассическая теория миграции [18; 23], которая исходит из предпосылок о совершенстве рынка труда, и теория двойного рынка труда М. Пиоре, в центре которой – лишь притягивающие факторы в странах назначения [24].

В целом экономические теории миграции рассматривают, как правило, два круга вопросов: какие причины вызывают процесс и определяют направление миграции и какое влияние оказывает миграция на рынки (труда, капитала и пр.). При этом данные теории объясняют только часть процес-

сов и неспособны объяснить другие. В частности, рассматривая процессы миграции в рамках отдельных теорий, сложно ответить на вопрос о выборе территории назначения. Особенно это проблематично в случае объяснения потоков миграции в странах с обширной территорией, большим разнообразием субъектов и их неравенством в уровне социально-экономического развития, к которым относится Россия. Чтобы ответить на вопрос, почему в качестве территории назначения мигранты выбирают тот или иной регион РФ, приходится использовать целый ряд объясняющих моделей.

Критика экономических теорий привела к созданию новейших теорий миграций, призванных разрешить их противоречия и ограничения. Одна из таких – синтетическая теория миграций Д. Мэсси. Она стала результатом работы группы ученых и вобрала в себя элементы шести теорий: теории неоклассической экономики (Todaro, 1976), новой экономической теории трудовой миграции (Stark, 1991), теории сегментированного рынка труда (Piore, 1979), теории мировых систем (Sassen, 1988), теории общественного капитала (Massey, Goldring and Durand, 1994) и теории кумулятивной причинности (Massey, 1990) [6, с. 161–162]. Ученые пришли к выводу, что миграция есть результат обширных трансформаций в экономике, социальной и политической сферах, вызванных структурными переходами к рынку в дорыночных и нерыночных странах. То есть международная миграция есть следствие развития, а не отсталости рынков. В общем, по Мэсси, в международных потоках преобладают факторы притягивающие [3, с. 40–41].

Суть синтетической теории международной миграции в следующем. Процессы политической, экономической и социальной трансформации способствуют, кроме прочего, нарастанию исходящего потока миграции населения, как следствие адаптации к новым условиям путем иммиграции. При этом в качестве территории назначения, как правило, мигранты выбирают страны/регионы, с которыми есть определенные связи, опять же, в политической, экономической и социальной сферах. При этом принимающие страны формируют спрос на рабочую силу в тех нишах, где вакансии непривлекательны для местного населения (низкооплачиваемые, опасные, «грязные» рабочие места), нередко это происходит путем прямой вербовки. Экономические мотивы миграции неочевидны, т. е. это не просто желание больше заработать, миграция рассматривается как способ решения экономических проблем в стране исхода, связанных с несовершенствами рынков капитала, страхования и кредитов. То есть они стремятся заработать (по крайней мере, на первой стадии, когда еще не принято решение об окончательном переезде в страну назначения), например, для «самострахования», диверсификации собственных рисков. Это объясняет, почему даже в случае более низкого в сравнении с ожидаемым уровня заработной платы решение все равно при-

нимают в пользу миграции. Это также объясняет, почему не вполне эффективно работают политические меры, направленные на регулирование рынков труда, прежде всего, через воздействие на уровень заработной платы. Воздействие среды страны въезда на мигрантов со временем начинает оказывать влияние на мотивацию международных мигрантов. Приобретая навыки и опыт, выстраивая социальные и прочие связи, принимая культурные нормы, мигранты постепенно приходят к решению не просто о временном пребывании, а о смене теперь уже места жительства, пытаются перевезти членов своей семьи. Постепенно в стране въезда формируются поддерживающие мигрантов структуры, прежде всего, посредством выстраивания социальных сетей. Это, в свою очередь, объясняет устойчивую инерцию потоков мигрантов и неэффективность в краткосрочной перспективе политических мер по их ограничению, поскольку социальные сети поддержки мигрантов обеспечивают доступ к работе, деньгам и прочим необходимым для адаптации благам [20, с. 131–140; 22].

В целом синтетическая теория международной миграции призвана ответить на ряд вопросов. Во-первых, какие «притягивающие» и «выталкивающие» факторы/причины порождают миграционные потоки? Во-вторых, какова мотивация при принятии решения о международной миграции? В-третьих, какие структуры поддерживают движение, и, наконец, какое влияние на происходящие процессы оказывает политика правительств?

Данный текст призван восполнить пробел в исследованиях международной миграции из стран СНГ в регионах Дальнего Востока, однако практически за рамками анализа оставлены условия и факторы, вызывающие миграцию в странах исхода, поскольку это неоднократно было описано в литературе [9; 17]. Также лишь частично затрагивается влияние политических решений на потоки международной миграции (некоторые решения на местном уровне).

В качестве модельного субъекта для исследования миграции из стран СНГ выбрана Амурская область. Область не относится ни к самым промышленно развитым, ни к самым отсталым в сравнении с другими регионами ДФО. Демографические процессы здесь во многом типичны для других южных регионов – Еврейской автономной области, Хабаровского и Приморского краев [8]. Исследование основано на результатах анализа количественных (доступная статистика) и качественных (интервью и наблюдение) данных.

Логика исследования состоит в следующем. Несмотря на относительно низкий уровень привлекательности Амурской области, потоки международной миграции из стран СНГ нарастают, в то время как из Китая и КНДР снижаются. Для более глубокого понимания происходящих процессов было проведено исследование методами анализа качественных данных. Получен-

ные результаты плохо описываются с точки зрения традиционных концепций международной миграции, но вполне объяснимы в контексте синтетической теории международной миграции Мэсси.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Амурская область – приграничный южный регион Дальнего Востока с численностью населения 809,9 тыс. чел. (по состоянию на 01.01.2015) [1]. Для области характерно продолжительное снижение численности населения, как и для всего Дальнего Востока в целом: за период 2004–2014 гг. она сократилась на 91 тыс. чел. (в целом по ДФО – на 469 тыс. чел.). Темпы сокращения населения до 2014 г. были выше, чем в среднем по округу.

Сокращение численности населения области связано и с естественной убылью, и с миграционным оттоком. Так, для области характерны более высокие показатели смертности населения: в 2014 г. 13,1 чел. на 1000 чел. по РФ в целом, 12,4 чел. в среднем по ДФО, 13,9 чел. для Амурской области. Рождаемость до 2014 г. была выше среднего показателя по России и выше, чем в среднем по ДФО, в 2014 г. показатель стал ниже среднедальневосточного: 13,3 чел. на 1000 чел. по России, 13,9 чел. по Дальнему Востоку и 13,7 чел. для области. При этом показатели младенческой смертности до 2013 г. превышали как аналогичные показатели для России, так и для Дальнего Востока. С 2013 г. ситуация улучшилась, этот показатель стал ниже среднего по ДФО, но все еще превышал среднероссийский: 7,4 чел. на 1000 родившихся в среднем по России в 2014 г., 10,7 чел. по ДФО и 9,1 чел. по Амурской области. В результате естественный прирост населения в 2014 г. по Дальнему Востоку составил 9133 чел., для области же естественная убыль составила 136 чел. (прирост 133 чел. наблюдался только годом ранее). Кроме того, продолжительность жизни населения ниже, чем в среднем по России и по Дальнему Востоку. Так, в 2014 г. средняя продолжительность жизни в России оценивалась в 70,9 года, в то время как в области она составляла всего 67 лет (68,2 года в среднем по ДВ) [1].

В области не прекращается миграционный отток населения: за 5 лет ее покинули 61 тыс. чел., а сальдо миграции составило –21,1 тыс. чел. (табл. 2).

Таким образом, демографические показатели неутешительны, по совокупности составляющих свидетельствуют о том, что область непривлекательна для проживания – низкая продолжительность жизни, высокая смертность. Кроме этого, уровень жизни населения относительно низкий. Об этом свидетельствуют показатели заработной платы (табл. 3) и прожиточного минимума (табл. 4).

Таблица 2

Показатели миграции населения в Амурской области в 2010–2014 гг., чел.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Прибыло в Амурскую область, всего	4418	5962	8386	8470	12 632
из других регионов Российской Федерации	4253	5613	7793	7924	8297
из стран СНГ и Балтии	149	327	542	503	1834
из других зарубежных стран	16	22	51	43	2501
Выбыло из Амурской области всего, в том числе:	8099	12 049	12 709	14 239	13 897
в другие регионы Российской Федерации	7900	11 859	12 531	14 059	13 280
в страны СНГ и Балтии	161	138	120	116	223
в другие зарубежные страны	38	52	58	64	394
Миграционный прирост всего, в том числе за счет обмена:	-3681	-6087	-4323	-5769	-1265
с другими регионами Российской Федерации	-3647	-6246	-4738	-6135	-4983
со странами СНГ и Балтии	-12	189	422	387	1611
с другими зарубежными странами	-22	-30	-7	-21	2107

Источник: [1, с. 52].

Таблица 3

Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.

Субъект	2010	2011	2012	2013	2014
РФ	20 952	23 369	26 629	29 792	32 495
Москва	38 411	44 899	48 830	55 485	61 208
ДФО	25 814	29 320	33 584	37 579	40 876
Амурская область	21 208	24 202	26 789	30 542	32 397

Источник: составлено по [10].

В то же время регион отличается относительной дороговизной жизни (табл. 4).

Заработная плата на протяжении пяти лет в области была ниже средней по Дальнему Востоку в 1,22 раза в 2010 г. и уже в 1,26 раза в 2014-м, в то же время разрыв с заработной платой в Москве значительно больше: в 1,81 раза в 2010 г. и в 1,89 раза в 2014-м. Уровень заработной платы на протяжении всего периода примерно соответствует среднероссийскому, однако в 2014 г. оказался ниже и этого показателя. Об ухудшении уровня жизни населения свидетельствует и динамика реальной заработной платы: в 2014 г. реальная заработная плата составила 98,5% относительно показателя 2013 г. [1, с. 549]. Это хуже, чем во всех других дальневосточных регионах. Среднедушевые доходы населения также ниже и среднероссийских показателей, и показателей по Дальнему Востоку.

Таблица 4

Показатели прожиточного минимума в 2010–2014 гг.

Субъект	Величина прожиточного минимума для трудоспособного населения на IV квартал, руб.				
	2010	2011	2012	2013	2014
РФ	6367	6710	7263	7896	8885
Москва	9825	10 346	10 988	12 452	14 330
Амурская область	7646	8475	8965	9771	10 082
В среднем по ДФО	9394	10 083	10 731	12 201	13 158

Источник: составлено по [10].

Установленный прожиточный минимум ниже среднего по Дальнему Востоку, но стабильно выше среднероссийского: область на протяжении всего периода входит в двадцатку самых дорогих для жизни субъектов РФ.

Ситуация усугубляется общими показателями развития экономики области. Так, на долю региона в 2013 г. пришлось всего 0,39% ВВП страны (0,47% в 2010 г.) и 7,5% от ВРП ДФО (8,5% в 2010 г.). Динамика ВРП на душу населения демонстрирует увеличивающийся разрыв со среднероссийским (на 49 тыс. руб. меньше в 2010 г. и на 117 тыс. руб. в 2013 г.) и еще более заметный с показателем по ДФО (на 120 тыс. руб. в 2010 г. и на 191 тыс. руб. в 2013 г.) [1, с. 550]. По этому показателю область опережает лишь Еврейскую автономную область среди всех регионов Дальнего Востока.

В целом для области характерно специализация в сырьевых отраслях (добыча полезных ископаемых, заготовка леса и сельское хозяйство), производстве электроэнергии и транспортных услугах. При этом сельское хозяйство ведется в зоне рискованного земледелия, а инфраструктура, в том числе и транспортная, крайне не развита. Все это также вряд ли способствует росту привлекательности области в глазах потенциальных мигрантов. По крайней мере, для местного населения служит выталкивающими факторами.

Для оценки транспортной доступности области были рассмотрены транспортные расходы по данным сайтов Aviasales (<https://www.aviasales.ru/>) и РЖД (<http://rzd.ru/>) на 20 февраля 2016 г. Так, авиаперелет Душанбе – Москва обойдется в среднем в 13 тыс. руб., железнодорожный билет – около 10,5 тыс. В то время как авиаперелет Москва – Благовещенск стоит от 18,7 тыс. руб., а проезд в плацкартном вагоне поезда Москва – Белогорск (отсутствует прямая ветка с областным центром) – от 6,3 тыс. руб. Железнодорожный билет на поезд Бишкек – Новосибирск (с проездом через Барнаул) стоит около 6 тыс. руб., билет Новосибирск – Благовещенск – еще около 4 тыс. руб., это почти соизмеримо со стоимостью билета Бишкек – Москва – 11,5 тыс. руб. Аналогичные расчеты показывали, что проезд по магистрали

РЖД из Ташкента через Новосибирск обойдется почти в 18 тыс. руб., в то время как авиаперелет до Москвы – всего в 12,6 тыс. руб. И, конечно, гораздо дешевле добраться из Еревана до Москвы. Транспортные расходы для трудовых мигрантов увеличиваются в том случае, если местом миграции выбран не областной центр, а, например, северные города области. В этом случае, согласно действующему законодательству, прибывающие ИГ должны встать на миграционный учет в том населенном пункте, который указали при въезде. А вот оформить все необходимые для получения патента документы можно только в Благовещенске. Кроме того, в области была установлена более высокая, чем в других регионах, плата за патент (ежемесячные налоговые отчисления). Так, в 2016 г. трудовые мигранты, имеющие патент, должны ежемесячно оплачивать 4946 руб., выше – только в четырех регионах России: Ямало-Ненецком (7412,5 руб.) и Ненецком (7000 руб.) АО, Республике Саха (Якутия) (8173,8 руб.) и Камчатском крае (4996,2 руб.) [14]. В целом же первоначальное оформление патента, по данным УФМС, в 2015 г. обходилось от 16 530 до 19 270 руб.

Однако нельзя утверждать, что нет никаких благоприятных для миграции факторов. Во-первых, несмотря на относительно низкий уровень жизни, средняя заработная плата в области выше, чем в основных странах исхода (табл. 5).

Таблица 5

Среднемесячная заработная плата, долл. США

Страны исхода / регион	2010	2011	2012	2013	2014
Армения	275	290	350	358	381
Таджикистан	81	93	116	146	155
Киргизия	156	202	228	234	229
Амурская область*	636	726	803	916	583

Примечание. * Пересчитана по текущему курсу ЦБ РФ.

Источники: составлено по: [10; 15].

Как видно, по этому показателю область привлекательна для мигрантов из стран СНГ, однако также привлекательны практически все другие регионы России, и, конечно, существуют и территории, обладающие большей «притягательной» силой по этому показателю.

Во-вторых, наблюдается дефицит рабочей силы, усиливающийся из-за миграционного оттока, что, безусловно, создает стимулы для трудовой миграции в область. Так, по данным Управления занятости населения Амурской области, заявленная потребность в кадрах в 2015 г. составляла 4873 чел., по прогнозам Управления, потребность в кадрах в 2017 г. составит 4940 чел., а в 2019-м – 3640 чел. По данным баланса труда, с 2010 г.

численность иностранных трудовых мигрантов оценивается в более чем 25 тыс. чел., и по оценкам на 2015 г. должна составить 25,6 тыс. чел. [данные сайта Управления занятости населения Амурской области, <http://zanamur.ru/> (дата обращения: 10.05.2016)]. Однако по официальным данным УФМС, число трудовых мигрантов, как будет показано далее, примерно в 2–2,5 раза меньше. Показатель численности иностранных трудовых мигрантов в данном случае может также служить индикатором дефицита рабочей силы в Амурской области, поскольку является балансирующим.

Неутешительны и другие индикаторы состояния рынка труда (*табл. 6*).

Таблица 6

Показатели рынка труда Амурской области в 2011–2014 гг.

Показатель	2011	2012	2013	2014	Абс. изменение (2014 к 2011)
Численность экономически активного населения, тыс. чел.	449,8	427,4	419,0	421,8	–28,0
Численность занятых в экономике, тыс. чел.	422,9	404,7	393,3	398,3	–24,6
Численность населения в трудоспособном возрасте, тыс. чел.	515,9	503,9	493,9	482,3	–33,6
Доля населения в трудоспособном возрасте, %	62,3	61,3	60,5	59,4	–2,9
Уровень занятости, %	65,4	63,7	61,9	63,6	–1,8
Уровень безработицы, %	6,0	5,3	6,1	5,6	–0,4

Источник: составлено автором по [1] и данным сайта Росстата (<http://www.gks.ru>).

В области происходит сокращение и количества занятых в экономике, и экономически активного населения, хотя для России в целом эти показатели растут. Причем экономически активное население и население в трудоспособном возрасте сокращается быстрее численности занятых в экономике, что говорит о старении трудоспособных кадров в области. Уровень занятости при этом снижается, однако также несколько снизился и уровень безработицы.

Таким образом, согласно теории «притягивающих» и «выталкивающих» факторов, область не выглядит привлекательной ни для трудовых мигрантов (низкие темпы роста производства, сырьевая специализация хозяйства), ни для постоянных (негативные тенденции в социально-демографической сфере). Однако по теории двойного рынка труда, более высокой заработной платы и дефицита рабочей силы достаточно, чтобы объяснить притягательность области. Хотя и показатель заработной платы на фоне дороговизны жизни и транспортных расходов как «притягивающий» фактор выглядит достаточно спорно.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В АМУРСКУЮ ОБЛАСТЬ

В настоящей статье рассматривается как постоянная (т. е. длительное пребывание в области), так и трудовая миграция. Данный подход основан на результатах полевого исследования, в ходе которого было выяснено, что, во-первых, удорожание патента и усложнение процедур, а также квотирование численности иностранных трудовых мигрантов подталкивает их к получению более стабильного правового статуса – РВП, ВНЖ и даже гражданства, и, во-вторых, получение такого статуса требует стабильного трудоустройства за определенный период. По этим причинам выбор в пользу только одного из этих потоков не покажет общей картины миграционной ситуации.

В Амурскую область, по данным Амурстата, за период 2010–2014 гг. прибыло в качестве постоянных около 6 тыс. международных мигрантов, выбыло – 1,4 тыс. чел. То есть миграционный прирост населения за счет международной миграции составил 4,6 тыс. чел., или 0,6% постоянного населения области (по состоянию на 1 января 2015 г.). В то же время до 2014 г. большая часть международных мигрантов приезжала из стран СНГ и Балтии – 1521 чел., на страны дальнего зарубежья за это же время пришлось всего 132 чел. В 2014 г. картина резко изменилась. Кроме значительного увеличения числа прибывших в 2014 г. (более чем в 58 раз для зарубежных стран, кроме стран СНГ и Балтии, см. *табл. 2*), также можно увидеть, что число мигрантов из стран дальнего зарубежья превысило число мигрантов из стран СНГ и Балтии. По данным индивидуального запроса в Амурстат, за период январь – октябрь 2014 г. в область прибыло 1528 чел. из стран СНГ и Балтии и 2271 чел. – из других зарубежных стран. При этом 1793 чел. составили граждане Китая. Такие перемены, тем не менее, связаны не с изменением миграционной ситуации, а всего лишь с изменением в системе учета. До 2011 г. Росстат учитывал миграцию как регистрацию по месту жительства, а с 2011 г. стали учитывать и место пребывания (более 9 месяцев). Для Амурской области изменения в системе учета произошли лишь в 2014 г., поэтому большую часть постоянных мигрантов в 2014 г. составили граждане КНР.

Это демонстрирует всю условность показателя постоянной миграции, рассчитываемого органами статистики. Данные о постоянной миграции лишь условно отражают ситуацию, поскольку Росстат регистрирует лишь факт поставки на учет и снятия с учета по месту пребывания, что теоретически может сделать один человек в течение года несколько раз. Поэтому далее в описании ситуации используем открытые данные УФМС и данные, полученные по индивидуальному запросу в УФМС по Амурской области, как более адекватно отражающие ситуацию¹. Таким образом, далее под по-

¹ Данные страдают недостатками оперативной статистики, поэтому часть цифр в разделе о трудовой миграции в регион не совпадают.

стоянной миграцией будем понимать не численность тех, кто зарегистрировался по месту пребывания более чем на 9 месяцев, а факт получения более стабильного правового статуса – РВП, ВНЖ и гражданства.

В период с 2010-го по март 2015 г. получили гражданство 3035 чел., 23,6% из которых имели до этого гражданство Армении, 11,9% – Таджикистана, 11,0% – Киргизии и 17,7% – лица без гражданства. По разрешению на временное проживание и виду на жительство в марте 2015 г. в области проживало еще 3105 чел. (табл. 7).

Таблица 7

**Показатели постоянной международной миграции
в Амурскую область с января 2010 по март 2015 г.**

Страна исхода	Получили гражданство (с 01.2010 по 03.2015), чел.	Проживают по РВП (03.2015), чел.	Проживают по ВНЖ (03.2015), чел.	Всего постоянных мигрантов	
				чел.	%
Всего, в т. ч. по странам	3035	2452	653	6140	100,0
Китай	2	13	100	115	1,9
Страны СНГ всего, из них	2414	2381	417	5212	84,9
Армения	717	537	56	1310	21,3
Таджикистан	362	265	34	661	10,8
Узбекистан	249	565	90	904	14,7
Украина	266	484	113	863	14,1
Прочие страны	83	37	80	200	3,3
ЛБГ	536	21	56	613	10,0

Примечание: ЛБГ – лицо без гражданства.

Источник: составлено автором по данным индивидуального запроса в УФМС по Амурской области.

Как видно, если считать юридический статус признаком постоянной миграции в регион, то данные УФМС практически совпадают с данными Росстата по численности, но вовсе не по структуре: граждане Китая составляют всего 1,9% от общего числа. Большая же часть приходится на граждан Армении, Узбекистана, Украины и Таджикистана (62,7%), а всего на страны СНГ приходится около 85% от общего числа постоянных мигрантов. Однако по такому показателю, как «поставлено на миграционный учет», по данным марта 2015 г. лидирует, безусловно, Китай: 9034 чел. из 13 556 чел. (66,6%, данные индивидуального запроса). Ситуация объясняется маятниковыми трансграничными миграциями и ростом туристического потока.

Что касается трудовой миграции, то данные по Амурской области следующие (табл. 8).

Таблица 8

Численность трудовых мигрантов* в Амурской области в 2010–2014 гг., чел.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Всего трудовых мигрантов, чел.	10 652	10 749	10 781	10 170	11 352
прибывшие в визовом порядке (из Китая, КНДР и др.)	8660	8474	8013	7917	7941
прибывшие в безвизовом порядке (из стран СНГ)	1686	1823	2768	2253	3411

Примечание. * Число разрешений, выданных на работу ИГ.

Источник: составлено автором по [2].

Большая часть работающих в Амурской области трудовых мигрантов – прибывшие в визовом порядке (КНР и КНДР), однако нельзя не заметить того, что за 5 лет число трудовых мигрантов СНГ, получивших разрешения на работу, увеличилось более чем в 2 раза. По данным УФМС, в 2015 г. всего было выдано 2719 патентов и оформлено 3536 разрешений на работу (2607 гражданам Китая), а общее число трудовых мигрантов составило 6255 чел. и сократилось вдвое. При этом граждане СНГ стали составлять почти половину всех трудовых мигрантов в области. Ситуацию с резким снижением числа трудовых мигрантов эксперты объясняют ухудшением экономического климата как в России, так и в области (в т. ч. падением курса рубля), высокой платой за патент, а также ожиданиями граждан Киргизии и Армении введения особых режимов пересечения границы и работы на территории РФ в связи со вступлением этих стран в Таможенный союз.

Распределение численности трудовых мигрантов в области в 2014 г. по странам исхода и сферам деятельности представлено в таблице 9.

Большая часть была занята в строительстве – 66,9%, на втором месте лесное хозяйство (12,1%), почти поровну в торговле и обрабатывающих производствах (7,1 и 6,1%). В 2015 г. тенденция сохранилась: в строительстве было занято 58% всех ИГ. Хотя увеличилась доля сельского хозяйства до 7%, розничной торговли до 8%, других сфер деятельности до 16%, отдельно учтена категория сферы услуг (8%), а вот доля обрабатывающих производств снизилась до 3%.

В целом на основе имеющихся данных о трудовой миграции в регион можно говорить об изменении в структуре потока международной миграции: если в 2011 г. доля трудовых мигрантов из стран СНГ составляла 15,8%, то в 2014 г. – уже 30,0%, а в абсолютном выражении их численность увеличилась более чем в 2 раза. Кроме того, анализ статистических данных УФМС служит косвенным подтверждением экспертных мнений об ограничении китайской миграции в регион.

Таблица 9

Распределение численности трудовых мигрантов* по видам экономической деятельности в Амурской области в 2014 г., чел.

Показатель	Всего трудовых мигрантов**	В т. ч. по видам экономической деятельности					
		опт. и розн. торговля, ремонт а/трансп. средств и т. п.	строитель-ство	лесное хозяй-ство	сель-ское хозяй-ство	об-рабат. произ-ва	другие
Всего по странам	11 010	777	7364	1332	133	675	729
Китай	5890	765	4017	96		675	337
КНДР	2049		824	1106	108		11
Страны СНГ***	3069	12	2523	130	25		379
Азербайджан	11		6	5			
Армения	413	1	406	2			4
Киргизия	1257	6	1203		25		23
Молдова	196		192	3			1
Таджикистан	102		101				1
Узбекистан	573	5	376	107			85
Украина	517		239	13			265
Прочие (Австралия)	2						2

Примечания. * Распределение оформленных разрешений на работу. ** Оформлено разрешений на работу ИГ и ЛБГ. *** Для прибывших из стран СНГ – количество поступивших уведомлений.

Источник: составлено автором по [2].

Во-первых, очень незначительна статистика выдачи документов для более стабильного правового статуса – гражданства, РВП и ВНЖ. Во-вторых, сдерживание потока трудовой миграции путем прямого запрета на выдачу квот в некоторых отраслях, в частности, в сельском хозяйстве и лесозаготовках, добыче полезных ископаемых [см., напр., 2]. То есть для граждан СНГ складывается более благоприятный миграционный режим.

4. АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ

Для более глубокого понимания сложившихся тенденций был проведен анализ качественных данных, дополняющих картину миграционной ситуации в области.

Источники качественных данных¹

Основные методы эмпирического исследования – структурированное

¹ Качественное исследование проведено сотрудниками Амурской лаборатории экономики и социологии ИЭИ ДВО РАН Журавской Т.Н. и Рыжовой Н.П. в рамках реализации двух проектов 2014–2015 гг. по исследованию сообщества мигрантов в двух регионах – Амурской области и Красноярском крае.

экспертное и биографическое лейтмотивное интервью, а также включенное наблюдение. Большая часть экспертных интервью взята по структурированным гайдам в соответствии с типами экспертов. Описание выборки экспертных интервью представлено в таблице 10.

Таблица 10

Описание выборки серии экспертных интервью в Амурской области

Тип экспертов	Описание	Численность, чел.
Силовики	Сотрудники УФМС, оУФМС, посредники по предоставлению госуслуг для мигрантов	6
Органы власти	Представители региональных и муниципальных властей по вопросам ВЭД, туризма, информационной политики, привлечения ИРС, работы с НКО, местного самоуправления	5
Диаспоры	Представители формальных НКО и религиозных объединений, неформальные лидеры диаспор в малых населенных пунктах, этнические посредники	12
Бизнес	Директора и сотрудники кадровых служб: строительных организаций (в т. ч. производство стройматериалов), вещевых и продуктовых рынков, торговых предприятий, организаций-посредников по оформлению документов при найме ИГ, предприятий по заготовке древесины и производству пиломатериалов, добыче золота	8
Прочие	Сотрудники центров подготовки и тестирования русского языка, международных отделов и профильных кафедр вузов, прочие эксперты и посредники, имеющие разветвленные связи среди мигрантов	4
Итого		35

Источник: составлено автором.

Интервью с экспертами было проведено по широкому кругу вопросов, для данного исследования интерес представляли группы вопросов, посвященных последним тенденциям в миграционной ситуации, изменениям законодательства и правил нахождения иностранных граждан в России, работе с диаспорами и работе самих диаспор, религиозных объединений и неформальных сообществ, а также проблемам в привлечении иностранной рабочей силы.

Главное темой биографических интервью (лейтмотивом) с мигрантами из стран СНГ стала *миграционная история* информантов, интервью включало в себя блоки вопросов о мотивах приезда в Россию, юридическом статусе, о семье и представлениях о семье. Часть интервью были совместными, например, с 2–3 рабочими одновременно, из таких интервью были выделены отдельные миграционные истории. В двух случаях миграционные истории не разделяли, поскольку они содержали истории миграции одной семьи (семейной пары). В таблице 11 приведено описание выборки информантов в соответствии со страной исхода.

Таблица 11

Выборка серии биографических интервью в Амурской области по странам исхода информантов из стран СНГ

Страна исхода	Численность, чел.
Азербайджан	3
Армения	4
Казахстан	1
Киргизия	5
в т. ч. узбеки	3
Таджикистан	7
Узбекистан	5
Итого	24

Источник: составлено автором.

Другими параметрами для отбора информантов были тип занятости информантов («самозанятый» или «наемный»), возраст, сфера деятельности, юридический статус. Более половины составили люди в возрасте до 40 лет, что соответствует предварительным оценкам структуры целевой совокупности. Представленность по странам исхода также выдержана, за исключением мигрантов из Казахстана и Украины по причине их недоступности (отсутствие диаспор и других сообществ, дисперсное расселение, отсутствие данных о занятости для мигрантов из Казахстана, сложные для доступа режимные предприятия). Относительный перекоп в выборке наблюдается по юридическому статусу информантов (гражданство, вид на жительство, разрешение на временное проживание, временная регистрация, патент) в сторону гражданства, однако если рассматривать гражданство как признак постоянной миграции в регион, то такое распределение представляется оправданным. По структуре представленных отраслей также сохранены пропорции занятости: основные отрасли, как показал предварительный этап, – это строительство и торговля, хотя выборка дополнялась по принципу обеспечения максимального охвата и разнообразия.

Для анализа полученных данных все биографические интервью были переработаны в *короткие истории (нарратив)*, в которых ответы и рассуждения информантов на одну и ту же тему были объединены в общие блоки, а вся релевантная исследованию информация представлена в хронологическом порядке.

Обе выборки проведенных интервью – целенаправленные, построены по принципу отбора на основе суждений исследователя. Для структурированных экспертных интервью такие суждения были основаны на результатах предварительного, поискового этапа, где были выявлены акторы, которые могли являться ключевыми экспертами по интересующему кругу проблем

(миграционная ситуация в регионе, процессы кластеризации сообщества, правоприменение и пр.). Для выборки биографических интервью суждения основывались на принципе максимальной вариации и предварительных данных о структуре сообщества мигрантов, центральными аспектами выступали страны исхода информантов и сфера занятости. Объем выборки определялся по принципу «теоретического насыщения» выборки в качественном исследовании [см. об этом более подробно, напр., 19]. На основе анализа полученных эмпирических данных были выделены группы мотивов и основные каналы миграции из стран СНГ в область.

Результаты анализа качественных данных

Мотивы миграции в область. Для международных мигрантов из стран СНГ характерны различные мотивы, определяющие как цели переезда или временного пребывания на территории области, так и в принципе выбор в пользу миграции в странах исхода. Набор мотивов переезда весьма типичен для любых мигрантов, первое место занимают *экономические мотивы*:

- отсутствие любой работы в родном населенном пункте (явно «выталакивающий» фактор);
- низкая заработная плата, которая не позволяет содержать семьи. Это свидетельствует о том, что рабочие места в стране исхода есть, однако уровень заработной платы не соответствует ожиданиям: работа «только на жёлудок», чтобы «свети концы с концами».

Отсюда вытекает и следующая группа мотивов, а именно:

- желание улучшить благосостояние своей семьи, предполагающее, в частности, желание построить дом и приобрести машину (недостатки рынков капитала). Пересекается с этой целью мотив социальной мобильности, на полевом этапе мы слышали от информантов про рост уважения к ним самим и их семьям, определяемый ростом уровня доходов;
- необходимость устроить свадьбу своих детей. Этот мотив относим к экономическим, поскольку свадьба в среднеазиатских странах является прямой обязанностью родителей и означает значительные траты как для родителей жениха, так и для родителей невесты. Этот мотив важен и потому, что в случае смерти главы семьи до того, как заключены браки, и сыновья, и дочери попадают в очень затруднительное положение;
- желание работать по профессии/специальности. Экономические проблемы бывших советских республик во многом схожи с проблемами экономики в России, например, население бывших моногородов и более мелких населенных пунктов после распада СССР и длительного кризиса столкнулось с невозможностью найти работу по своей специальности, например, там, где были масштабные стройки или работали крупные предприятия (ГОК, ГЭС и ГРЭС, авиазаводы и пр.). Это люди с хорошей квалификацией,

тем не менее не имеют возможности реализоваться. Такие мигранты, как правило, изначально попадают в регион путем прямой вербовки, однако в дальнейшем поток движется посредством социальных сетей (например, рекомендации на имеющиеся вакансии членов своей семьи, односельчан);

- возможность начать свой бизнес. Это, безусловно, тоже способ повышения благосостояния, однако данный мотив специфический для региона (как правило, согласно исследованиям, бизнес становится одной из практик адаптации, а не самой целью миграции). Приезд с целью организовать свой бизнес в стране назначения характерен и для трансмигрантов из КНР, которые активно используют ресурс приграничного положения [16]. Что касается мигрантов из стран СНГ, то возможности для начала малого бизнеса в сибирских и дальневосточных регионах и шансы на успех собственных предприятий оцениваются информантами выше. Они считают, что рынки менее конкуренты, чем в центральных регионах России, а социальные сети и семейные бизнесы создают дополнительные стимулы. Это, кстати, иногда определяет выбор уже не центра региона для миграции, а более мелких населенных пунктов по причине меньшей конкурентности рынков (хотя в этом случае информанты сталкиваются с проблемой ограниченного спроса).

Следующая группа мотивов – *образование* для себя и/или для своих детей. Речь идет, прежде всего, о возможностях получить высшее образование. В Амурской области большую часть иностранных студентов вузов составляют граждане Китая (по данным УФМС – 391 чел. из 632). Региональные вузы выигрывают на фоне столичных, прежде всего, по экономическим причинам: обучение обходится дешевле (в случае со студентами из КНР срабатывает также специфический фактор приграничного положения, позволяющий существенно сэкономить на прочих расходах) [см. об этом 12]. Что касается мигрантов из стран СНГ, то выбор образования в России также не обязательно связан с более высоким уровнем образования, чем в стране исхода. Мы слышали от наших информантов о том, что они были не в состоянии пройти отбор в вузы в стране исхода, а региональные вузы в России оказались более доступны (во многих таких вузах частый недобор даже на бюджетные места связан с демографическими провалом в соответствующей группе возрастов). Хотя этот фактор при выборе страны получения высшего образования, конечно, не единственно возможный, и даже не обязательно преобладающий.

Еще одна группа мотивов определена как *культурные мотивы*, связанные с возможностями самореализации, изменением образа жизни, большей свободой от жестких культурных норм страны исхода. Стоит отметить, что подобная мотивация в полевом исследовании встречалась редко, чаще в совокупности с прочими мотивами и целями миграции.

И, наконец, достаточно специфическая группа мотивов – *несамостоятельный переезд*. Это характерно, прежде всего, для наиболее зависимых категорий международных мигрантов – молодых трудовых мигрантов и женщин из среднеазиатских стран (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан). Группа молодых мужчин в общей структуре преобладает (табл. 12).

Таблица 12

**Половозрастная структура иностранных трудовых мигрантов
в Амурской области в 2015 г., %**

Страна исхода	Возраст											
	от 18 до 30 лет			от 31 до 40 лет			от 41 до 50 лет			старше 50 лет		
	жен.	муж.	все-го	жен.	муж.	все-го	жен.	муж.	все-го	жен.	муж.	все-го
Азербайджан	3	26	28	0	23	23	0	43	43	2	5	6
Армения	4	29	34	0	23	23	0	30	30	0	14	14
Киргизия	2	40	42	2	26	28	0	23	23	1	6	7
Китай	4	19	23	8	20	28	11	25	36	5	8	13
Таджикистан	5	40	45	0	31	31	0	18	18	0	6	6
Узбекистан	8	41	49	4	19	23	3	20	23	0	5	5
Украина	25	24	49	6	7	13	18	20	38	0	0	0

Источник: данные по запросу в страховую компанию «Колымская»; рассчитано на основании данных по годам рождения обратившихся за услугой, общий объем выборки – 1342 чел.

В этом случае речь идет не о самостоятельном принятии решения по поводу территории назначения миграции, выбора места работы или проживания, молодые люди едут работать в тот регион, в котором либо есть старшие по возрасту или социальному положению соотечественники, либо живут и работают старшие родственники (как правило, отцы или старшие братья). То есть решение принимается на уровне домохозяйства. При этом их отправляют «на заработки» другие старшие члены семей к тем людям, которым они доверяют. Это позволяет осуществлять удаленный контроль за соблюдением социальных, религиозных и культурных норм со стороны старших членов семей, быть более спокойными за здоровье и безопасность отправленных на заработки детей.

Вторая категория несамостоятельных мигрантов – женщины. Традиционный уклад жизни в среднеазиатских странах определяет «женские» стратегии переезда. Как правило, женщины не приезжают на работу в Россию, они приезжают совместно с супругом или родительской семьей. Самостоятельный переезд – редкость, при этом стараются ехать к женщинам – знакомым или родственникам, мотивы такой миграции – тяжелое материальное положение, связанное, например, с потерей главы семьи и, как следствие, ресурсов для проживания. Практически не приезжают и женщины из Ар-

мени и Азербайджана. Однако стоит сказать, что женщины-мигрантки из КНР и Вьетнама, например, достаточно активны, наравне с мужчинами участвуют в трансграничных бизнесах, даже в достаточно крупных.

К особой категории мотивов мы относим *вынужденную миграцию*. Здесь, прежде всего, необходимо отметить военные и политические конфликты в стране исхода, а также природные катаклизмы. В этом случае выбор места миграции, как правило, определяется наличием родственных или дружеских связей. Далеко не всегда временный переезд по таким мотивам означает обязательное возвращение на родину, довольно часто происходит смена места жительства. В 2015 г. в этой группе, по понятным причинам, лидировали граждане Украины, причем далеко не все получали статус беженца или вынужденного переселенца. Многие получали РВП и ВНЖ, пользовались возможностями программы переселения. Примечательно, что до 2015 г. миграционное сальдо области с Украиной было отрицательным (т. е. уезжали в Украину больше).

К вынужденной миграции также относится необходимость специфической медицинской помощи, которую нельзя получить в стране исхода. В этом случае пребывание, как правило, временное, приезжают к своим родственникам и знакомым, чтобы получить иную поддержку. Часто, чтобы покрыть прочие расходы, вынуждены работать. Желание получить медицинскую помощь в России связано с плохим состоянием здравоохранения в стране исхода, например, высокой степенью коррумпированности медицинских работников.

Конечно, мотивы миграции, как правило, комплексные (прежде всего, это касается самостоятельного принятия решения), возможно также изменение ориентиров в случае повторяющихся приездов или длительного пребывания. Так, в исследовании мы сосредоточились на мотивах возможного возврата на родину. Информанты, которые считают, что живут в России, а не находятся временно, говорили о следующих возможных *мотивах возвращения* в страну исхода:

- 1) значимое ухудшение материального положения, невозможность содержать семью, вести бизнес;
- 2) состояние здоровья свое или членов семьи;
- 3) рождение детей;
- 4) вступление в брак;
- 5) выход на пенсию;
- 6) семейные обстоятельства – необходимость оказания помощи родителям или близким родственникам, требующая присутствия;
- 7) законодательные основания – закрытие въезда, депортация.

Однако многие не готовы в принципе возвращаться на родину, может

быть, только после смерти (хотят быть похоронены рядом с родственниками). Индикаторами, говорящими о невозможности/нежелании возвращения даже в случае отсутствия гражданства, могут быть не только озвученные мотивы. Об этом могут свидетельствовать ослабление родственных, дружеских и прочих связей на родине и отсутствие значимого имущества (прежде всего, недвижимости).

Каналы миграции. Анализ качественных данных позволил выявить поддерживающие миграцию структуры, которые чаще всего принято называть «каналами миграции». Было выявлено четыре основных канала миграции:

1. *Социальные сети.* Самый распространенный канал, характерен и для трудовых, и для постоянных мигрантов из стран СНГ. Члены семьи, близкие и дальние родственники, соотечественники и односельчане помогают в адаптации, поиске места проживания и работы, оформлении документов, ведении бизнеса и пр. Подобные сети поддержки в дальнейшем образуют формальные объединения и неформальные сообщества, эта практика известна во всем мире и не является специфичной, характерна для всех групп международных мигрантов. Специфичной в данном случае является миграция в места бывших советскихстроек, например, в населенные пункты на территории БАМа. Прежде всего, конечно, в Тынду. В таком случае, это сети поддержки, сформированные бывшими участниками стройки. В этом смысле даже существуют некоторые «этнические» предпочтения в выборе места миграции (поселки вдоль линии БАМа), связанные опять же с историей стройки и особенностями оргнабора.

2. *Посредники.* Этот канал характерен, прежде всего, для трудовых мигрантов, наименее квалифицированных. Посредниками часто становятся представители той или иной группы, нередко это и коммерциализированные объединения. Так, все члены формальных НКО говорили, что цели деятельности организаций – помощь соотечественникам в адаптации, а также поддержка культурных норм и традиций. Однако помощь в адаптации трактуется достаточно широко: это и помощь в поиске работы, и при сдаче экзаменов, и в прочем оформлении документов наряду с более традиционными функциями – проведение праздников и религиозных мероприятий, благотворительность, отправка «груза 200», членство в общественной палате и пр. Данные каналы не всегда надежны, т. к. на рынке присутствуют недобросовестные и даже «черные» посредники.

3. *Крупные предприятия, нанимающие мигрантов.* Данный канал характерен для более квалифицированных трудовых мигрантов. Связано это с общим состоянием экономики, поскольку более квалифицированный труд требует более высокой его оплаты, чего местные работодатели не в состоянии предложить кадрам из других регионов России (кроме того, и более дорогие

условия проживания). Как правило, крупное предприятие в состоянии взять на себя расходы (возможно, с последующим возмещением из заработной платы), связанные с оформлением документов (в т. ч. по сдаче экзаменов и прохождению медицинских осмотров), а также предоставить жилье и организовать питание. В случае относительно высокого заработка канал является наиболее выгодным для мигрантов, а для трудовых мигрантов из визовых стран – единственно возможной легальной схемой (в некоторых отраслях – в частности, общепит и бытовые услуги, в т. ч. ремонт и отделка помещений, – привлекающее предприятие не обязательно крупное). При этом более предпочтительным для мигрантов из СНГ было разрешение на работу, чем патент, прежде всего, по причине более высокой стоимости патента и необходимости самим принимать участие в оформлении документов. Однако многие предприятия и предприниматели берут на себя и обязательства по оформлению патентов, что значительно облегчает миграцию в область.

4. *Государственные программы переселения, межправительственные соглашения.* Этот канал миграции ограничен требованиями о владении языком, процедурами оформления документов, наличием образования и востребованной квалификации. Поэтому, с одной стороны, он облегчает получение российского гражданства, с другой, – доступен далеко не всем (по программе переселения до 2014–2015 гг. приезжало незначительное число мигрантов из стран СНГ, далее ситуация изменилась в связи с событиями на Украине). В то же время специальные программы, прежде всего, направлены на стимулирование постоянной или долгосрочной миграции, однако на практике все работает не совсем так, что также отражает специфику региона. Участие в программе переселения на Дальний Восток облегчает получение гражданства для определенных категорий мигрантов, при этом территории могут не рассматриваться в дальнейшем как место постоянного проживания. Участие в подобных программах в центральных регионах России затруднено, поскольку желающих гораздо больше, поэтому регионы Дальнего Востока и Сибири рассматриваются как транзитные: после получения гражданства люди просто уезжают в другие, более благополучные районы страны. Это же касается получения РВП и ВНЖ, поскольку в каждом субъекте установлены квоты, а потому конкуренция в этой сфере здесь ниже.

Стоит отметить, что мигрантами могут использоваться разные сочетания каналов миграции. Например, члены семей или односельчане могут способствовать привлечению конкретных людей на предприятия, а участники программы переселения могут просить помощи диаспор при переезде с обустройством и поиском работы.

В целом мотивация и каналы осуществления миграции в регион выгля-

дят вполне традиционно в рамках рациональных экономических теорий. Однако увидеть региональную специфику, а главное, ответить на поставленный вопрос о выборе территории назначения можно только в том случае, если рассматривать их не отдельно как рациональный выбор индивида или членов домохозяйства или как принятие решения об использовании социального капитала, а только совместно, комплексно. В частности, нельзя ответить на главный вопрос статьи – как объяснить появление и нарастание потоков миграции из стран СНГ, учитывая «непривлекательность» территории? Почему неспецифичные на первый взгляд мотивы и каналы миграции определяют регион как территорию назначения, в то время как большинство, например, трудовых мигрантов в качестве таковой выбирают более экономически развитые и социально благополучные регионы страны? Нельзя отделить мотивы и каналы миграции и от более широкого контекста происходящих трансформаций в странах исхода, социально-экономического климата в регионе и стране в целом и даже от общей истории освоения и хозяйства стран бывшего СССР. Все это старается учесть синтетическая теория международной миграции населения. Несмотря на то, что применение данной теории ввиду ее сложности и многоплановости достаточно проблематично, она, как представляется, одна из немногих, способных объяснить возникающие видимые парадоксы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрим полученные результаты в контексте синтетической теории международной миграции населения.

Во-первых, какие все же «притягивающие» и «выталкивающие» факторы порождают миграционные потоки? В части описания мотивов миграции можно судить о «выталкивающих» факторах, хотя происходящие в странах исхода трансформации остались за рамками данного текста (факторы, вызывающие миграцию в странах исхода, неоднократно были описаны в литературе [напр., 9; 17]). Об изменениях в странах исхода можно судить по экономическим мотивам (отсутствие работы, низкая оплата труда, желание начать свой бизнес и пр.). Культурные и образовательные мотивы миграции говорят о происходящих социальных трансформациях, а в группе вынужденных мотивов мы видим политические изменения. При этом провести четкую грань между этими причинами практически невозможно. Что касается «притягивающих» факторов, то очевидным является лишь дефицит рабочей силы в регионе. Сюда же можно добавить более низкую конкуренцию на рынках, что расценивается как более благоприятная обстановка для начала или развития своего бизнеса.

Во-вторых, синтетическая теория принимает во внимание, какова мотивация при принятии решения о международной миграции. Были подробно рассмотрены мотивы миграции в регион, а появление такого мотива, как «несамостоятельный переезд» также объясняет часть потока в регион (который возможен лишь при наличии доступа к социальным сетям поддержки мигрантов). Региональная специфика также видна в выборе вуза, желании начать свой бизнес или работать по профессии.

В-третьих, какие структуры поддерживают движение? Были показаны четыре основных канала международной миграции из стран СНГ в Амурскую область. Как видно, для региона формирование социальных сетей специфично в части наличия «старых» миграционных связей в районе последней советской стройки. Можно видеть, что в области есть официально действующие НКО (диаспоры), которые все в большей степени оказывают влияние на формирование структуры потока миграции. Особенно это касается самостоятельного переезда, за счет которого, по нашим оценкам, нарастает поток мигрантов из стран СНГ. Канал крупных предприятий, опять же, работает в связке с социальными сетями, как и государственные программы. Региональная специфика проявляется более четко: крупные предприятия приглашают тех, кто работал на похожих производствах (например, ГЭС), а государственные программы ведут к тому, что область становится транзитной для получения более стабильных правовых статусов.

В-четвертых, какое влияние на происходящие процессы оказывает политика правительств? Эта часть затронута в статье лишь частично, поскольку все же миграционная политика – компетенция федеральных властей. На региональном уровне оценить степень такого влияния сложно. Можно увидеть ограничение миграции из КНР на местном уровне, а также попытки снизить интенсивность потоков миграции из стран СНГ путем установления высокой стоимости патента. Пока судить о масштабах такого воздействия сложно, поскольку снижение числа мигрантов произошло и на фоне ухудшения экономической ситуации.

Таким образом, на примере Амурской области показано, что объяснение международной миграции в рамках традиционных экономических теорий не всегда дает ответы на вопрос о выборе территории назначения и движущих силах миграции, определяющих ее направление. Рассматривая по отдельности только «притягивающие» и «выталкивающие» факторы или миграционные мотивы как рациональный выбор мигранта, нельзя получить удовлетворяющий исследователя результат. Например, выявленные мотивы неспецифичны для региона, однако в совокупности с факторами и каналами миграции они определяют область как место миграции. Так, низкая конкуренция на рынке определяет область как место для ведения бизне-

са, а структура экономики и дефицит кадров создают устойчивый спрос на труд мигрантов, на привлечение специалистов узкого профиля (что, в свою очередь, обусловлено общей экономической историей стран СНГ, общесоветской системой образования). Комплексный подход, который предлагает синтетическая теория международной миграции, таким образом, является более продуктивным, если рассматривать миграцию в территориальном контексте, что немаловажно для России с учетом большого разнообразия в уровне развития и истории освоения регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурский статистический ежегодник 2015: стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2015. 564 с.
2. В Амурской области сократили квоты на иностранных рабочих // АмурПолит. ру. URL: <http://www.amurpolit.ru/?p=6680> (дата обращения: февраль 2016).
3. *Василенко П.В.* Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионалистический журнал. 2013. № 16. С. 36–42.
4. *Гельбрас В.* Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. 2004. № 4 (19).
5. Доклады о результатах и основных направлениях деятельности УФМС по Амурской области / Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://www.28.fms.gov.ru/about/Pokazateli> (дата обращения: февраль 2016).
6. *Ивахнюк И.В.* Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.
7. *Массей Д.* Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции. М.: МАКС-Пресс, 2002. Вып. 10. С. 132–148.
8. *Мотрич Е.Л.* Хабаровский край в демографическом поле Дальнего Востока России // Власть и управление на востоке России. 2012. № 2. С. 77–84.
9. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Центр миграционных исследований, Ин-т народнохоз. прогнозирования Рос. акад. наук / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М.: АдамантЪ, 2009. 412 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. М., 2011–2015.
11. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2009, 2012, 2015.
12. *Рыжова Н.П., Журавская Т.Н.* Благовещенск и Хэйхэ: обучение как трансграничные практики // Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики. Иркутск: Оттиск, 2009. С. 222–243.
13. Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (на 5 апреля 2016 года) / Главное управление по вопросам миграции МВД России. URL: https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazhd/item/5850/ (дата обращения: июнь 2016).
14. Сколько стоят патенты для мигрантов в регионах России в 2016 году? // Россия для всех. 2016. Январь. URL: <http://tjk.rus4all.ru/infographics/20160102/726408758.html> (дата обращения: февраль 2016).
15. Среднемесячная номинальная заработная плата (по среднегодовым курсам национальных валют к российскому рублю, доллару США и евро) / Межгосударствен-

ный статистический комитет Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения: февраль 2016).

16. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.

17. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / под ред. Л.Л. Рыбаковского; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Academia, 2009. 431 с.

18. *Цапенко И.* Движущие силы международной миграции населения // *Мировая экономика и международные отношения.* 2007. № 3. С. 3–14.

19. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. 356 с.

20. *Юдина Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов. М.: Изд-во РГСУ; Академический Проект, 2007. 472 с.

21. *Lee E.* A Theory of Migration // *Demography.* 1966. Vol. 3. Issue 1. Pp. 47–57. DOI: 10.2307/2060063.

22. *Massey D.* Why Does Immigration Occur? A Theoretical Synthesis // *The Handbook of International Migration: The American Experience* / Edited by C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind. New York: Russell Sage Foundation, 1999. Pp. 34–52.

23. *Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review.* 1993. Vol. 19. Issue 3. Pp. 431–466. DOI: 10.2307/2938462.

24. *Piore M.* Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies. New York: Cambridge University Press, 1979. 229 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572210.

MIGRATION FROM THE CIS COUNTRIES TO AMUR OBLAST IN THE CONTEXT OF THE SYNTHETIC THEORY

T.N. Zhuravskaya

Tatiana Nikolaevna Zhuravskaya – PhD (Social Sciences), Junior Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042. Senior Lecturer. Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok. E-mail: wellshy@mail.ru.

The article considers international migration from the CIS countries to the Amur region in 2010–2014 in the context of the synthetic theory of international migration by D. Massey. It is shown that separate economic theories of migration cannot explain the CIS migrants' choice of the Amur region as a destination. In particular, socio-economic indicators characterize the region as unattractive both for permanent (high mortality, low life expectancy, relatively low standard of living) and labor (low GRP, specialization in primary industries, high transport costs and pay for a patent) migration. The attractiveness factors of the region fit the theory of a dual labor market: the Amur region has higher wages than the countries of origin and the growing shortage of personnel. However, it is also insufficient to explain increasing migration flows from the CIS countries, which were identified on the basis of statistical data of the Federal Migration Service of the Amur region. Based on the analysis of qualitative data the author reveals the motives (economic, educational, cultural, forced, non-self-moving) and channels (social networks, intermediaries, enterprises, government programs) of migration. In general, the motivation and channels of migration in the case of the Amur region look quite traditional within the framework of economic theories. However, only a comprehensive consideration of all the issues allows

determining regional specificity and answering the question about the destination choice. Sources of empirical data include following: series of keynote expert and biographical interviews carried out in 2014–2015, official statistical data of FSSS and FMS, as well as data from Amurstat, the FMS of the Amur region and the insurance company ‘Kolymская’.

Keywords: migration from the CIS countries, synthetic theory of international migration, Amur oblast.

REFERENCES

1. *Amur Statistical Yearbook 2015: Statistical Collection*. Amurstat. Blagoveshchensk, 2015, 564 p. (In Russian).
2. The Quota for Foreign Workers was Reduced in the Amur Territory. *AmurPolit.ru*. Available at: <http://www.amurpolit.ru/?p=6680> (accessed February 2016). (In Russian).
3. Vasilenko P.V. Foreign Theories of Population Migration. *Pskovskiy Regionalisticheskii Zhurnal* [Pskov Regional Journal], 2013, no. 16, pp. 36–42. (In Russian).
4. Gelbras V. Prospects of Chinese Immigration in the Russian Far East. *Otechestvennye Zapiski* [Notes of the Fatherland], 2004, no. 4 (19). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/perspektivy-kitayskoy-migracii-na-dalnem-vostoke> (accessed February 2016). (In Russian).
5. *Reports on Results and Main Directions of Activities of FMS in the Amur Territory*. The Interior Ministry of Russia. Available at: <http://www.28.fms.gov.ru/about/Pokazateli> (accessed February 2016). (In Russian).
6. Ivakhnuyk I.V. Development of Migration Theory in the Context of Globalization. *Vek Globalizatsii – Age of Globalization*, 2015, no. 1, pp. 36–51. (In Russian).
7. Massey D. A Synthetic Theory of International Migration. *World in the Mirror of International Migration. Scientific Series: International Migration of Population: Russia and the Contemporary World*. Moscow, 2002, vol. 10, pp. 132–148. (In Russian).
8. Motrich E.L. Khabarovsk Krai in the Russian Far East Demographic Field. *Vlast i Upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in Eastern Russia], 2012, no. 2, pp. 77–84. (In Russian).
9. *Post-Soviet Transformations: Reflection in Migrations*. Edited by Zh.A. Zayonchkovskaya, G.S. Vitkovskaya. Moscow: Center for Migration Studies, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 2009, 412 p. (In Russian).
10. *Regions of Russia. Socio-Economic Indicators: Statistical Collection*. Rosstat. Moscow, 2011–2015. (In Russian).
11. *Russian Statistical Yearbook: Statistical Collection*. Rosstat. Moscow, 2009, 2012, 2015. (In Russian).
12. Ryzhova N.P., Zhuravskaya T.N. Blagoveshchensk and Heihe: Trained as Trans-Border Practices. *Integration of Economic Migrants in the Russian Regions. Formal and Informal Practices*. Irkutsk, 2009, pp. 222–243. (In Russian).
13. *Information in Respect of Foreign Citizens Residing in the Territory of the Russian Federation in the Context of Sex and Age (5 April 2016)*. General Administration for Migration Issues of the Interior Ministry of Russia. Available at: https://xn--b1ab2a0a.xn--b1aew.xn--p1ai/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazhdan/item/5850/ (accessed June 2016). (In Russian).
14. How Much are Patents for Migrants in Regions of Russia in 2016. *Rossiya dlya Vseh* [Russia for All], 2016, January. Available at: <http://tjk.rus4all.ru/infographics/20160102/726408758.html> (accessed February 2016). (In Russian).

15. *Average Monthly Nominal Wage (Counted at Annual Average Rates of National Currencies to the Russian Ruble, US Dollar and Euro)*. The Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States. Available at: <http://www.cisstat.com/> (accessed February 2016). (In Russian).

16. *Trans-Border Migrations and the Host Society: Mechanisms and Practices of Mutual Adaptation*. Edited by V.I. Dyatlov. Ekaterinburg, 2009, 396 p. (In Russian).

17. *Transformation of Migration Processes in Post-Soviet Space*. Edited by L.L. Rybakovskiy. Moscow: Institute of Socio-Political Research RAS, 2009, 431 p. (In Russian).

18. Tsapenko I. Drivers of International Migration of Population. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2007, no. 3, pp. 3–14. (In Russian).

19. Shteynberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. *The Field of Sociological Research*. Saint Petersburg, 2009, 356 p. (In Russian).

20. Yudina T.N. *Migration: A Glossary of Key Terms*. Moscow, 2007, 472 p. (In Russian).

21. Lee E. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, vol. 3, issue 1, pp. 47–57. DOI: 10.2307/2060063.

22. Massey D. Why Does Immigration Occur? A Theoretical Synthesis. *The Handbook of International Migration: The American Experience*. Edited by C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind. New York: Russell Sage Foundation, 1999, pp. 34–52.

23. Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 1993, vol. 19, issue 3, pp. 431–466. DOI: 10.2307/2938462.

24. Piore M. *Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies*. New York: Cambridge University Press, 1979, 229 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572210.